

Клайв Стейплз Льюис
Хроники Нарнии: Конь и его мальчик
Серия «Хроники Нарнии», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123229
Конь и его мальчик: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-45455-6

Аннотация

Усыновленный в младенчестве мальчик и украденная лошадь устремились галопом к долгожданной свободе в Нарнию. Нарния – волшебная страна, где лошади разговаривают, а отшельники иногда искренне радуются компании; где злодей превращается в вислоухого осла, а отважный мальчик с чистой душой и открытым сердцем отправляется в бой, и подвиг его будет щедро вознагражден.

Нарния – волшебная страна, где приключение только начинается.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвёртая	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Клайв Льюис

Конь и его мальчик

Посвящается Дэвиду и Дугласу Грэйшэмам

Глава первая Побег

Это повесть о событиях, случившихся в Нарнии и к Югу от неё тогда, когда ею правили король Питер и его брат и две сестры. В те дни далеко на Юге, у моря, жил бедный рыбак по имени Аршиш, а с ним мальчик по имени Шаста, звавший его отцом. Утром Аршиш выходил в море ловить рыбу, а днём запрягал осла, клал рыбу в повозку и ехал в ближайшую деревню торговать. Если он выручал много, он возвращался в добром духе и Шасту не трогал; если выручал мало, придирался, как только мог, и даже бил мальчика. Придаться было нетрудно, Шаста делал по дому всё – стирал и чинил сети, стряпал и убирал.

Шаста никогда не думал о том, что лежит от них к Югу; он бывал с Аршишем в деревне, и ему там не нравилось. Он видел точно таких людей, как его отец, – в грязных длинных одеждах, сандалиях и тюрбанах, с грязными длинными бородами, медленно толковавших об очень скучных делах. Зато его живо занимало всё, что лежит к Северу; но туда его не пускали. Чиня на пороге сети, он с тоской глядел на Север, но видел только склон холма, небо и редких птиц.

Когда Аршиш сидел дома, Шаста спрашивал: «Отец, что там, за холмом?» Если Аршиш сердился, он драл его за уши, если же был спокоен, отвечал: «Сын мой, не думай о пустом. Как сказал мудрец, прилежание – корень успеха, а те, кто задаёт пустые вопросы, ведут корабль глупости на рифы неудачи».

Шасте казалось, что за холмом – какая-то дивная тайна, которую отец до поры скрывает от него. На самом же деле рыбак говорил так, ибо не знал, да и знать не хотел, какие земли лежат к Северу. У него был практический ум.

Однажды с Юга прибыл незнакомец, совсем иной, чем те, кого видел Шаста до сих пор. Он сидел на прекрасном коне, и седло его сверкало серебром. Сверкали и кольчуга, и острие шлема, торчащее над тюрбаном. На боку его висел ятаган, спину прикрывал медный щит, в руке было копьё. Незнакомец был тёмной кожей, но Шаста привык к темнолицым, удивило его иное: борода, выкрашенная в алый цвет, вилась кольцами и лоснилась от благовоний. Аршиш понял, что это – тархан, то есть вельможа, и склонился до земли, незаметно показывая Шасте, чтобы и тот преклонил колени.

Незнакомец попросил ночлега на одну ночь, и Аршиш не посмел отказать ему. Все лучшее, что было в доме, хозяин поставил перед ним, а мальчику (так всегда бывало, когда приходили гости) дал кусок хлеба и выгнал во двор. В таких случаях Шаста спал с ослом, в стойле; но было ещё рано и, поскольку никто никогда не говорил ему, что нельзя подслушивать, он сел у самой стены.

– О хозяин! – промолвил тархан. – Мне угодно купить у тебя этого мальчика.

– О господин мой! – отвечал рыбак, и Шаста угадал по его голосу, что глазки у него блеснули. – Как продам я, твой верный раб, своего собственного сына? Разве не сказал поэт: «Сильна, как смерть, отцовская любовь, а сыновняя дороже, чем алмазы»?

– Возможно, – сухо выговорил тархан, – но другой поэт говорил: «Кто хочет гостя обмануть – подлее, чем гиена». Не оскверняй ложью свои уста. Он тебе не сын, ибо ты тёмным лицом, а он светел и бел, как проклятые, но прекрасные нечестивцы с Севера.

– Дивно сказал кто-то, – отвечал рыбак, – что око мудрости острее копыя! Знай же, о мой высокородный гость, что я, по бедности своей, никогда не был женат. Но в год, когда Тисрок (да живет он вечно) начал своё великое и благословенное царствование, в ночь полнолуния, боги лишили меня сна. Я встал с постели и вышел поглядеть на луну. Вдруг послышался плеск воды, словно кто-то грёб вёслами, и слабый крик. Немного позже прилив прибил к берегу маленькую лодку, в которой лежал иссушённый голодом человек. Должно быть, он только что умер, ибо он ещё не остыл, а рядом с ним был пустой сосуд и живой младенец. Вспомнив о том, что боги не оставляют без награды доброе дело, я прослезился, ибо раб твой мягкосердечен, и...

– Не хвали себя, – прервал его тархан. – Ты взял младенца, и он отработал тебе вдесятеро твою скудную пищу. Теперь скажи мне цену, ибо я устал от твоего пусторечия.

– Ты мудро заметил, господин, – сказал рыбак, – что труд его выгоден мне. Если я продам этого отрока, я должен купить или нанять другого.

– Даю тебе пятнадцать полумесяцев, – сказал тархан.

– Пятнадцать! – взвыл Аршиш. – Пятнадцать монет за усладу моих очей и опору моей старости! Не смейся надо мною, я сед. Моя цена – семьдесят полумесяцев.

Тут Шаста поднялся и тихо ушёл. Он знал, как люди торгуются. Он знал, что Аршиш выручит за него больше пятнадцати монет, но меньше семидесяти и что спор протянется не один час.

Не думайте, что Шаста чувствовал то самое, что почувствовали бы вы, если бы ваши родители решили вас продать. Жизнь его была не лучше рабства, и тархан мог оказаться добрее, чем Аршиш. К тому же он очень обрадовался, узнав свою историю. Он часто сокрушался прежде, что не может любить рыбака, и когда понял, что тот ему чужой, с души его упало тяжкое бремя. «Наверное, я сын какого-нибудь тархана, – думал он, – или Тисрока (да живет он вечно), а то и божества!»

Так думал он, стоя перед хужиной, а сумерки сгущались, и редкие звёзды уже сверкали на небе, хотя у заднего края оно отливало багрянцем. Конь пришельца, привязанный к столбу, мирно щипал траву. Шаста погладил его по холке, но конь не обратил внимания.

И Шаста подумал: «Кто его знает, какой он, этот тархан!»

– Хорошо, если он добрый, – продолжал он вслух. – У некоторых тарханов рабы носят шёлковые одежды и каждый день едят мясо. Может быть, он возьмет меня в поход, и я спасу ему жизнь, и он освободит меня, и усыновит, и подарит дворец... А вдруг он жестокий? Тогда он закуёт меня в цепи. Как бы узнать? Конь-то знает, да не скажет.

Конь поднял голову, и Шаста погладил его шёлковый нос.

– Ах, умел бы ты говорить! – воскликнул он.

– Я умею, – тихо, но внятно отвечал конь.

Думая, что это ему снится, Шаста всё-таки крикнул:

– Быть того не может!

– Тише! – сказал конь. – На моей родине есть говорящие животные.

– Где это? – спросил Шаста.

– В Нарнии, – отвечал конь.

– Меня украли, – рассказывал конь, когда оба они успокоились. – Если хочешь, взяли в плен. Я был тогда жеребёнком, и мать запрещала мне убегать далеко к Югу, но я не слушался. И поплатился же я за это, видит Лев! Много лет я служу злым людям, притворяясь тупым и немым, как их кони.

– Почему же ты им не признаёшься?

– Не такой я дурак! Они будут показывать меня на ярмарках и сторожить ещё сильнее. Но оставим пустые беседы. Ты хочешь знать, каков мой хозяин Анрадин. Он жесток. Со мной – не очень, кони дороги, а тебе, человеку, лучше умереть, чем быть рабом в его доме.

– Тогда я убегу, – сказал Шаста, сильно побледнев.

– Да, беги, – сказал конь. – Со мною вместе.

– Ты тоже убежишь? – спросил Шаста.

– Да, если ты тоже убежишь, – сказал конь. – Тогда мы, может быть, и спасёмся. Понимаешь, если я буду без всадника, люди увидят меня и скажут: «У него нет хозяина» – и погонятся за мной. А с всадником – другое дело... Вот и помоги мне. Ты ведь далеко не уйдёшь на этих дурацких ногах (ну и ноги у вас, людей!), тебя поймут. Умеешь ты ездить верхом?

– Конечно, – сказал Шаста. – Я часто езжу на осле.

– На чём? Ха-ха-ха! – презрительно усмехнулся конь (во всяком случае, хотел усмехнуться, а вышло скорей «го-го-го!..»), у говорящих коней лошадиный акцент сильнее, когда они не в духе). – Да, – продолжал он, – словом, не умеешь. А падать хотя бы?

– Падать умеет всякий, – отвечал Шаста.

– Наверяд ли, – сказал конь. – Ты умеешь падать, и вставать, и, не плача, садиться в седло, и снова падать, и не бояться?

– Я... постараюсь, – сказал Шаста.

– Бедный ты, бедный, – гораздо ласковей сказал конь, – всё забываю, что ты – детёныш. Ну ничего, со мной научишься! Пока эти двое спорят, будем ждать, а заснут – тронемся в путь. Мой хозяин едет на Север, в Ташбаан, ко двору Тисрока.

– Почему ты не прибавил «да живет он вечно»? – испугался Шаста.

– А зачем? – спросил конь. – Я свободный гражданин Нарнии. Мне не пристало говорить, как эти рабы и недоумки. Я не хочу, чтобы он вечно жил, и знаю, что он умрёт, чего бы ему ни желали. Да ведь и ты свободен, ты – с Севера. Мы с тобой не будем говорить на их манер! Ну, давай обсуждать наши планы. Я уже сказал, что мой человек едет на Север, в Ташбаан.

– Значит, нам надо ехать к Югу?

– Нет, – сказал конь. – Если бы я был нем и глуп, как здешние лошади, я побежал бы домой, в своё стойло. Дворец наш – на Юге, в двух днях пути. Там он и будет меня искать. Ему и не догадаться, что я двинусь к Северу. Скорее всего, он решит, что меня украли.

– Ура! – закричал Шаста. – На Север! Я всегда хотел его увидеть.

– Конечно, – сказал конь, – ведь ты оттуда. Я уверен, что ты хорошего северного рода. Только не кричи. Скоро они заснут.

– Я лучше посмотрю, – сказал Шаста.

– Хорошо, – сказал конь. – Только поосторожней.

Было совсем темно и очень тихо, одни лишь волны плескались о берег, но этого Шаста не замечал, он слышал их день и ночь, всю жизнь. Свет в хижине погасили. Он прислушался, ничего не услышал, подошёл к единственному окошку и различил секунды через две знакомый храп. Ему стало смешно: подумать только, если всё пойдёт как надо, он больше никогда этих звуков не услышит! Стараясь не дышать, он немножко устыдился, но радость была сильнее стыда. Тихо пошёл он по траве к стойлу, где был ослик, – он знал, где лежит ключ, отпер дверь, отыскал седло и уздечку: их спрятали туда на ночь.

Потом поцеловал ослика в нос и прошептал: «Прости, что мы тебя не берём».

– Пришёл наконец! – сказал конь, когда он вернулся. – Я уже гадал, что с тобой случилось.

– Я доставал твои вещи из стойла, – ответил Шаста. – Ты не скажешь, как их приладить?

Потом довольно долго он их прилаживал, стараясь ничем не звякнуть. «Тут потуже, – говорил конь. – Нет, вот здесь. Подтяни ещё». Напоследок он сказал:

– Вот смотри, это поводья, но ты их не трогай. Приспособь их посвободней к луке седла, чтобы я двигал головой, как хотел. И главное, не трогай.

– Зачем же они тогда? – спросил Шаста.

– Чтобы меня направлять, – отвечал конь. – Но сейчас выбирать дорогу буду я, тебе их трогать ни к чему. А ещё – не вцепляйся мне в гриву.

– За что же мне держаться? – снова спросил Шаста.

– Сжимай покрепче колени, – сказал конь. – Тогда и научишься хорошо ездить. Сжимай мне коленями бока сколько хочешь, а сам сиди прямо и локти не растопырявай. Что ты там делаешь со шпорами?

– Надеваю, конечно, – сказал Шаста. – Уж это я знаю.

– Сними их и положи в перемётную суму. Продадим в Ташбаане. Снял? Ну, садись в седло.

– Ох, какой ты высокий! – с трудом выговорил Шаста после первой неудачной попытки.

– Я конь, что поделаешь, – сказал конь. – А ты на меня лезешь, как на стог сена. Вот так получше! Теперь *распряись* и помни насчёт коленей. Смешно, честное слово! На мне скакали в бой великие воины, и дожил я до такого мешка! Что ж, поехали. – И он засмеялся, но не сердито.

Конь превзошёл себя, так он был осторожен. Сперва он пошёл на Юг, старательно оставляя следы на глине, и начал переходить вброд речку, текущую в море, но на самой её середине повернул и пошёл против течения. Потом он вышел на каменистый берег – там следов не оставишь – и долго двигался шагом, пока хижина, стойло, дерево – словом всё, что знал Шаста, – не растворилось в серой мгле июльской ночи. Тогда Шаста понял, что они уже на вершине холма, отделявшего от него мир. Он не мог толком разобрать, что впереди – как будто и впрямь весь мир, очень большой, пустой, бесконечный.

– Ах, – обрадовался конь, – самое место для галопа!

– Ой, не надо! – сказал Шаста. – Я ещё не могу... пожалуйста, конь! Да, как тебя зовут?

– И-йо-го-го-га-га-а!..

– Мне не выговорить, – сказал Шаста. – Можно я буду звать тебя Игого?

– Что ж, зови, если иначе не можешь, – согласился конь. – А тебя как называть?

– Шаста.

– Да... Вот это и впрямь не выговоришь. А насчет галопа ты не бойся, он легче рыси, не надо подниматься-опускаться. Сожми меня коленями (это называется шенкеля) и смотри прямо между ушей. Только не гляди вниз! Если покажется, что падаешь, сожми сильнее, выпрями спину. Готов? Ну, во имя Нарнии!..

Глава вторая Первое приключение

Солнце стояло высоко, когда Шаста проснулся, ибо что-то тёплое и влажное прикоснулось к его щеке.

Открыв глаза, он увидел длинную конскую морду, вспомнил вчерашние события, сел и громко застонал.

– Ой, – еле выговорил он, – всё у меня болит. Всё как есть. Еле двигаюсь.

– Здравствуй, маленький друг, – сказал конь. – Ты не бойся, это не от ушибов, ты и упал-то раз десять, и всё на траву. Даже приятно... Правда, один раз ты отлетел далеко, но угодил в куст. Словом, это не ушибы, так всегда бывает поначалу. Я уже позавтракал. Завтракай и ты.

– Какой там завтрак! – сказал Шаста. – Говорю же, я двинуться не могу.

Но конь не отставал; он трогал несчастного и копытом, и мордой, пока тот не поднялся на ноги, а поднявшись – не огляделся. Оттуда, где они ночевали, спускался пологий склон весь в белых цветочках. Далеко внизу лежало море – так далеко, что едва доносился всплеск волн. Шаста никогда не смотрел на него сверху и не представлял, какое оно большое и разноцветное. Берег уходил направо и налево, белая пена кипела у скал, день был ясный, солнце сверкало. Особенно поразил Шасту здешний воздух. Он долго не мог понять, чего же не хватает, пока не догадался, что нету главного – запаха рыбы. (Ведь там – и в хижине, и у сетей – рыбой пахло всегда, сколько он себя помнил.) Это ему очень понравилось, и прежняя жизнь показалась давним сном. От радости он забыл о том, как болит всё тело, и спросил:

– Ты что-то сказал насчет завтрака?

– Да, – ответил конь, – посмотри в сумках. Ты их повесил на дерево ночью... нет, скорей под утро.

Он посмотрел и нашёл много хорошего: совсем свежий пирог с мясом, кусок овечьего сыра, горстку сушёных фиг, плоский сосудец с вином и кошелек с деньгами. Столько денег – сорок полумесяцев – он никогда ещё не видел.

Потом он осторожно сел у дерева, прислонился спиной к стволу и принялся за пирог; конь тем временем пощипывал травку.

– А мы можем взять эти деньги? – спросил Шаста. – Это не воровство?

– Как тебе сказать, – отвечал конь, прожёвывая траву. – Конечно, свободные говорящие звери красть не должны, но это... Мы с тобой бежали из плена, мы – в чужой земле, деньги – наша добыча. И потом, без них не прокормишься. Насколько мне известно, вы, люди, не едите травы и овса.

– Не едим.

– А ты пробовал?

– Да, бывало. Нет, не могу. И ты бы не мог на моём месте.

– Странные вы твари, – заметил конь.

Пока Шаста доел лучший завтрак в своей жизни, друг его сказал: «Покатаюсь-ка, благо – без седла!..» Лег навзничь и стал кататься по земле, приговаривая:

– Ах, хорошо! Спину почешешь, ногами помашешь. Покатайся и ты, сразу легче станет.

Но Шаста засмеялся и сказал:

– Какой ты смешной!

– Ничего подобного! – ответил конь, но тут же лёг на бок и испуганно прибавил: – Неужели смешной?

– Да, – отвечал Шаста. – Ну и что?

– А вдруг говорящие лошади так не делают? – перепугался конь. – Вдруг эта глупая, *здешняя* привычка? Какой ужас! Прискачу в Нарнию, и окажется, что я не умею себя вести. Как ты думаешь, Шаста? Нет, честно. Я не обижусь. Настоящие, свободные кони... говорящие... они катаются?

– Откуда же мне знать? Да ты не бойся! Приедем – увидим. Ты знаешь дорогу?

– До Ташбаана – знаю. Потом дороги нет, там большая пустыня. Ничего, одолеем! Нам будут видны горы, ты подумай – северные горы! За ними Нарния! Только бы пройти Ташбаан! От остальных городов надо держаться подальше.

– Обойти его нельзя?

– Тогда придётся сильно кружить, боюсь заплутаться. В глубине страны – большие дороги, возделанные земли... Нет, пойдём вдоль берега. Тут нет никого, кроме овец, кроликов и чаек, разве что пастух-другой. Что ж, тронемся?

Шаста оседлал коня и с трудом сел в седло, ноги у него болели, но Игого сжалился над ним и до самых сумерек шёл шагом. Когда уже смеркалось, они спустились по тропкам в долину и увидели селение. Шаста спешил и купил там хлеба, лука и редиски, а конь, обогнув селение, остановился дальше, в поле. Через два дня они снова так сделали, и через четыре – тоже.

Все эти дни Шаста блаженствовал. Ноги и руки болели все меньше. Конь уверял, что он сидит в седле, как мешок («Стыдно, если нас увидят!» – говорил он), но учителем был терпеливым – никто не научит ездить верхом лучше, чем сама лошадь. Шаста уже не боялся рыси и не падал, когда конь останавливался с разбегу или неожиданно кидался в сторону (оказывается, так часто делают в битве). Конечно, Шаста просил, чтобы конь рассказал ему о том, как сражался вместе с тарханом; и тот рассказывал, как они переходили вброд реки, и долго шли без отдыха, и бились с вражьи войском. Боевые кони, самой лучшей крови, бьются не хуже воинов: кусаются, лягаются и умеют, когда надо, повернуться так, чтобы всадник получше ударил врага мечом или боевым топориком. Но рассказывал он реже, чем Шаста о том просил.

– Ладно, не надо, – говорил он. – Сражался я по воле Тисрока, словно раб или немая лошадь. Вот в Нарнии, среди своих, я буду сражаться как свободный! За Нарнию! О-го-го-го-о!

Вскоре Шаста понял, что после таких речей конь пускается в галоп.

Уже не одну неделю двигались они вдоль моря и видели больше бухточек, речек и селений, чем Шаства мог запомнить. Однажды в лунную ночь они не спали, ибо выпалились днем, в путь вышли под вечер. Оставив позади холмы, они пересекли равнину. Слева, в полумиле, был лес. Море лежало справа, за низкой песчаной дюной. Конь то шёл шагом, то пускался рысью, но вдруг он резко остановился.

– Что там? – спросил Шаства.

– Тиш-ш! – сказал конь, насторожив уши. – Ты ничего не слышал? Слушай!

– Как будто лошадь, к лесу поближе, – сказал Шаства, послушав с минутку.

– Да, это лошадь, – сказал конь. – Ах, нехорошо!..

– Ну, что такого, крестьянин едет! – сказал Шаства.

– Крестьяне так не ездят, – возразил Игого, – и кони у них не такие. Это настоящий конь и настоящий тархан. Нет, не конь... слишком легко ступает... так, так... Это прекраснейшая кобыла.

– Что ж, сейчас она остановилась, – сказал Шаства.

– Верно, – сказал конь. – А почему? Ведь и мы остановились... Друг мой, кто-то выследил нас.

– Что же нам делать? – тихо спросил Шаства. – Как ты думаешь, они нас видят?

– Нет, слишком темно, – сказал конь. – Смотри, вон туча! Когда она закроет луну, мы как можно тише двинемся к морю. Если что, песок нас скроет.

Они подождали и сперва шагом, потом лёгкой рысью двинулись к берегу. Но туча была уж очень тёмной, а море всё не показывалось. Шаства подумал: «Наверное, мы уже проехали дюны», как вдруг сердце у него упало: оттуда, спереди, послышалось долгое, скорбное, жуткое рычание. В тот же миг конь повернул и понесся во весь опор к лесу, от берега.

– Что это? – еле выговорил Шаства.

– Львы! – на скаку отвечал конь, не оборачиваясь.

После этого оба молчали, пока перед ними не сверкнула вода. Конь перешёл вброд широкую мелкую речку и остановился. Он весь вспотел и сильно дрожал.

– Теперь не унюхают, – сказал конь, немного отдышавшись. – Вода отбивает запах. Пройдемся немного.

Пока они шли, он сказал:

– Шаства, мне очень стыдно. Я перепугался, как немая тархистанская лошадь. Да, я недостойн называться говорящим конём. Я не боюсь мечей, и копий, и стрел, но *это... это...* Пройдусь-ка я рысью.

Но рысью он шёл недолго; уже через минуту он пустился галопом, что неудивительно, ибо совсем близко раздался глухой рёв, на сей раз – слева, из леса.

– Ещё один, – проговорил он на бегу.

– Эй, слушай, – крикнул Шаства, – та лошадь тоже скачет!

– Ну и хо-хо-хорошо! – выговорил конь. – У тархана меч... Он защитит нас.

– Что ты! – сказал Шаства. – Тебе всё львы да львы! Нас могут поймать. Меня повесят как конокрада!

Он меньше, чем конь, боялся львов, потому что никогда их не видел.

Конь только фыркнул в ответ и прынул вправо. Как ни странно, другая лошадь прынула влево, и вслед за этим кто-то зарычал – сначала справа, потом слева. Лошади кинулись друг к другу. Львы, видимо, тоже – они рычали попеременно с обеих сторон, не отставая от скачущих лошадей. Наконец луна выплыла из-за туч, и в ярком свете Шаства увидел ясно, как днем, что лошади несутся морда к морде, словно на скачках. Игого потом говорил, что таких скачек в Тархистане и не видывали.

Шаства уже не надеялся ни на что. Он думал лишь о том, сразу съедает тебя лев или сперва играет, как кошка с мышкой, и очень ли это больно. Думал он об этом, но видел

всё (так бывает в очень страшные минуты). Он видел, что другой всадник мал ростом, что кольчуга его ярко сверкает, в седле он сидит как нельзя лучше, а бороды у него нет.

Что-то блеснуло внизу перед ними. Прежде чем Шаства догадался, что это, он услышал всплески и ощутил во рту вкус соленой воды. Они попали в узкий рукав, отходящий от моря. Обе лошади плыли, и вода доходила Шастве до колен. Сзади слышалось сердитое рычание, и, оглянувшись, Шаства увидел у воды темную глыбу, но одну. «Другой лев отстал», – подумал он.

По-видимому, лев не собирался ради них лезть в воду. Кони наполовину переплыли узкий залив, другой берег уже был виден, а тархан не говорил ни слова. «Заговорит, – подумал Шаства. – Как только выйдем на берег. Что я ему скажу? Надо что-нибудь выдумать...»

И тут он услышал два голоса.

– Ах, как я устала!.. – говорил один.

– Тише, Уинни! – говорил другой. – Придержи язычок!

«Это мне нравится, – подумал Шаства. – Честное слово, та лошадь заговорила!»

Вскоре обе лошади уже не плыли, шли, а потом – вылезли на берег. Вода струилась с них, камешки хрустели под копытами. Маленький всадник, как это ни странно, ни о чём не спрашивал. Он даже не глядел на Шаству. Но Игого вплотную подошел к другой лошади и громко фыркнул.

– Стой! – сказал он. – Я тебя слышал. Меня не обманешь. Госпожа моя, ты – говорящая лошадь, ты тоже из Нарнии!

– Тебе какое дело? – вскрикнул странный тархан и схватился за эфес. Но голос его кое-что подсказал Шастве.

– Да это девочка! – догадался он.

– А тебе какое дело? – продолжала незнакомка. – Зато ты – мальчик! Грубый, глупый мальчишка! Наверное – раб и конокрад.

– Нет, маленькая госпожа, – сказал конь. – Он не украл меня. Если уж на то пошло, я его украл. Что же до того, моё ли это дело – посуди сама. Земляки непременно приветствуют друг друга на чужбине.

– Конечно, – поддержала его лошадь.

– Уж ты-то молчи! – сказала девочка. – Видишь, в какую беду я из-за тебя попала!

– Никакой беды нет, – сказал Шаства. – Можете ехать, куда ехали. Мы вас не держим.

– Ещё бы! – вскричала всадница.

– Как трудно с людьми! – сказал кобыле конь. – Ну просто мулы... Давай, мы с тобой разберёмся. Должно быть, госпожа, тебя тоже взяли в плен, когда ты была жеребёнком?

– Да, господин мой, – печально отвечала Уинни.

– А теперь ты бежала?

– Скажи ему, чтобы не лез, когда не просят, – вставила всадница.

– Нет, Аравита, не скажу, – ответила Уинни. – Я и впрямь бежала. Не только ты, но и я. Такой благородный конь нас не выдаст. Господин мой, мы держим путь в Нарнию.

– Конечно, – сказал конь. – И мы тоже. Всякий поймет, что оборвыш, едва сидящий в седле, откуда-то сбежал. Но не странно ли, что молодая тархина едет ночью, без свиты, в кольчуге своего брата, и боится чужих, и просит всех не лезть не в своё дело?

– Ну хорошо, – сказала девочка. – Ты угадал, мы с Уинни сбежали из дому. Мы едем в Нарнию. Что же дальше?

– Дальше мы будем держаться вместе, – ответил конь. – Надеюсь, госпожа моя, ты не откажешься от моей защиты и помощи?

– Почему ты спрашиваешь мою лошадь, а не меня? – разгневалась Аравита.

– Прости меня, госпожа, – сказал конь, чуть-чуть прижимая книзу уши, – у нас в Нарнии так не говорят. Мы с Уинни – свободные лошади, а не здешние немые клячи. Если ты бежишь в Нарнию, помни: Уинни – не «твоя лошадь». Скорее уж ты «её девочка».

Аравита раскрыла рот, но заговорила не сразу. Вероятно, раньше она так не думала.

– А всё-таки, – сказала она наконец, – зачем нам ехать вместе? Ведь нас скорее заметят.

– Нет, – сказал Игого, а Уинни его поддержала:

– Поедем вместе, поедем! Я буду меньше бояться. Я и дороги толком не знаю. Такой замечательный конь, куда умнее меня.

Шаста сказал:

– Оставь ты их! Видишь, они не хотят...

– Мы хотим! – перебила его Уинни.

– Вот что, – сказала девочка. – Против вас, господин конь, я ничего не имею, но откуда вы знаете, что этот мальчишка нас не выдаст?

– Скажи уж прямо, что я тебе – не компания! – воскликнул Шаста.

– Не кипятись, – сказал конь. – Госпожа права. Нет, – обратился он к ней, – я за него ручаюсь. Он верен мне, он добрый товарищ. К тому же он, несомненно, из Нарнии или Орландии.

– Хорошо, поедем вместе, – сказала Аравита, но не мальчику, а коню.

– Я очень рад! – сказал конь. – Что ж, вода – позади, звери – тоже, не расседлать ли вам нас, не отдохнуть ли и не послушать ли друг про друга?

Дети расседлали коней, кони принялись щипать траву, Аравита вынула из сумы много вкусных вещей. Шаста есть отказался, стараясь говорить как можно учтивей, словно настоящий вельможа, но в рыбацкой хижине этому не научишься, и получалось плохо. Он это, в сущности, понимал, становился всё угрюмей, вёл себя совсем уж неловко; кони же прекрасно поладили. Они вспоминали любимые места в Нарнии и выяснили, что приходится друг другу троюродными братом и сестрой. Людям стало еще труднее, и тут Игого сказал:

– Маленькая госпожа, поведай нам свою повесть. И не спеши, за нами никто не гонится.

Аравита немедленно села, красиво скрестив ноги, и важно начала свой рассказ. Надо сказать вам, что в этой стране и правду, и неправду рассказывают особым слогом; этому учат с детства, как учат у нас писать сочинения. Только рассказы эти слушать можно, а сочинений, если я не ошибаюсь, не читает никто и никогда.

Глава третья У врат Ташбаана

– Меня зовут Аравитой, – начала рассказчица. – Я прихожусь единственной дочерью могучему Кидраш-тархану, сыну Ришти-тархана, сына Кидраш-тархана, сына Ильсомбраз-тисрока, сына Ардиб-тисрока, потомка богини Таш. Отец мой, владетель Калавара, наделён правом стоять в туфлях перед Тисроком (да живёт он вечно). Мать моя ушла к богам, и отец женился снова. Один из моих братьев пал в бою с мятежниками, другой еще мал. Случилось так, что мачеха меня невзлюбила, и солнце казалось ей чёрным, пока я жила в отчем доме. Потому она и подговорила своего супруга, а моего отца, выдать меня за Ахощту-тархана. Человек этот низок родом, но вошёл в милость к Тисроку (да живёт он вечно), ибо льстив и весьма коварен, и стал тарханом, и получил во владение города, а вскоре станет великим визирем. Годами он стар, видом гнусен, кособок и повадкою схож с обезьяной. Но мой отец, повинувшись жене и прельстившись его богатством, послал к нему гонцов, которых Ахощта принял и прислал с ними послание о том, что женится на мне нынешним летом.

Когда я это узнала, солнце померкло для меня, и я легла на ложе и плакала целые сутки. Наутро я встала, умылась, велела оседлать кобылу по имени Уинни, взяла кинжал моего брата, погибшего в западных битвах, и поскакала в зелёный дол. Там я спешила, разорвала мои одежды, чтобы сразу найти сердце, и взмолилась к богам, чтобы поскорее оказаться там же, где брат. Потом я закрыла глаза, сжала зубы, но тут кобыла моя промолвила, как дочь человеческая: «О госпожа, не губи себя! Если ты останешься жить, ты ещё будешь счастлива, а мёртвые – мертвы».

– Я выразилась не так красиво, – заметила Уинни.

– Ничего, госпожа, так надо! – сказал ей Игого, наслаждавшийся рассказом. – Это высокий тархистанский стиль. Хозяйка твоя прекрасно им владеет. Продолжай, тархина!

– Услышав такие слова, – продолжала Аравита, – я подумала, что разум мой помутился с горя, и устыдилась, ибо предки мои боялись смерти не больше, чем комариного жала.

Снова занесла я нож, но кобыла моя Уинни просунула морду между ним и мною и обратилась ко мне с разумнейшей речью, ласково укоряя меня, как мать укоряла бы дочь. Удивление мое было так сильно, что я забыла и о себе, и об Ахоште. «Как ты научилась говорить, о кобыла?» – обратилась я к ней, и она поведала то, что вы уже знаете: там, в Нарнии, живут говорящие звери, и её украли оттуда, когда она была жеребёнком. Рассказы её о тёмных лесах и светлых реках, и кораблях, и замках были столь прекрасны, что я воскликнула: «Молю тебя богиней Таш, и Азаротом, и Зардинах, владычицей мрака, отвези меня в эту дивную землю!» – «О госпожа! – отвечала мне кобыла моя Уинни. – В Нарнии ты обрела бы счастье, ибо там ни одну девицу не выдают замуж насильно». Надежда вернулась ко мне, и я благодарила богов, что не успела себя убить. Мы решили вернуться домой и украсть друг друга. Выполняя задуманное нами, я надела в доме отца лучшие мои одежды и пела, и плясала, и притворялась весёлой, а через несколько дней обратилась к Кидраш-тархану с такими словами: «О услада моих очей, могучий Кидраш, разреши мне удалиться в лес на три дня с одной из моих прислужниц, дабы принести тайные жертвы Зардинах, владычице мрака и девства, как и подобает девице, выходящей замуж, ибо я вскоре уйду от неё к другим богам». И он отвечал мне: «Услада моих очей, да будет так».

Покинув отца, я немедленно отправилась к старейшему из его рабов, мудрому советнику, который был мне нянькой в раннем детстве и любил меня больше, чем воздух или ясный солнечный свет. Я велела ему написать за меня письмо. Он рыдал и молил меня остаться дома, но потом смирился и сказал: «Слушаю, о госпожа, и повинуюсь!» И я запечатала это письмо и спрятала его на груди.

– А что там было написано? – спросил Шаста.

– Подожди, мой маленький друг, – сказал Игого. – Ты портишь рассказ. Мы всё узнаем во благовремени. Продолжай, тархина.

– Потом я кликнула рабыню и велела ей разбудить меня до зари, и угостила её вином, и подмешала к нему сонного зелья. Когда весь дом уснул, я надела кольчугу погибшего брата, которая хранилась в моих покоях, взяла все деньги, какие у меня были, и драгоценные камни, и еду. Я оседлала сама кобылу мою Уинни, и ещё до второй стражи мы с нею ушли – не в лес, как думал отец, а на север и на восток, к Ташбаану.

Я знала, что трое суток, не меньше, отец не будет искать меня, обманутый моими словами. На четвёртый же день мы были в городе Азым Балдах, откуда идут дороги во все стороны нашего царства, и особо знатные тарханы могут послать письмо с гонцами Тисрока (да живёт он вечно). Потому я пошла к начальнику этих гонцов и сказала: «О несущий весть, вот письмо от Ахошты-тархана к Кидрашу, владельцу Калавара! Возьми эти пять полумесяцев и пошли гонца». А начальник сказал мне: «Слушаю и повинуюсь».

В этом письме было написано: «От Ахошты к Кидраш-тархану привет и мир. Во имя великой Таш, непобедимой, непостижимой, знай, что на пути к тебе я милостью судеб встретил твою дочь, тархину Аравиту, которая приносила жертвы великой Зардинах, как и подобает девице. Узнав, кто передо мною, я был поражён её красотой и добродетелью. Сердце мое вспыхнуло, и солнце показалось бы мне чёрным, если бы я не заключил с ней немедля брачный союз. Я принёс должные жертвы, в тот же час женился и увёз прекрасную в мой дом. Оба мы молим и просим тебя поспешить к нам, дабы порадовать нас ликом своим, и речью, и захватить с собой приданое моей жены, которое нужно мне незамедлительно, ибо я потратил немало на свадебный пир. Надеюсь и уповаю, что тебя, моего истинного брата, не разгневает поспешность, вызванная лишь тем, что я полюбил твою дочь великой любовью. Да хранят тебя боги».

Отдавши это письмо, я поспешила покинуть Азым Балдах, дабы миновать Ташбаан к тому дню, когда отец мой прибудет туда или пришлёт гонцов. На этом пути за нами погнались львы, и мы повстречались с вами.

– А что было дальше с той девочкой? – спросил Шаства.

– Её высекли, конечно, за то, что она проспала, – ответила Аравита. – И очень хорошо, она ведь наушничала мачехе.

– А по-моему, плохо, – сказал Шаства.

– Прости, – сказала Аравита, – тебя не спросила!

– И ещё одного я не понял, – продолжал он, – ты не взрослая, ты не старше меня, а то и моложе. Разве тебя можно выдать замуж?

Аравита не отвечала, но Игого сказал:

– Шаства, не срамись! У тархистанских вельмож так заведено.

Шаства покраснел (хотя в темноте никто не заметил), смутился и долго молчал. Игого тем временем поведал Аравите их историю, и Шастве показалось, что он слишком часто упоминает всякие падения и неудачи. Видимо, конь считал, что это забавно, хотя Аравита и не смеялась. Потом все легли спать.

Наутро все четверо продолжили свой путь, и Шаства думал, что вдвоём было лучше. Теперь Игого беседовал не с ним, а с Аравитой. Благодородный конь долго жил в Тархистане, среди тарханов и тархин, и знал почти всех знакомых своей неожиданной попутчицы. «Если ты был под Зулиндрехом, ты должен был видеть Алимаша, моего родича», – говорила Аравита, а он отвечал: «Ну, как же! Колесница – не то, что мы, кони, но всё же он храбрый воин и добрый человек. После битвы, когда мы взяли Тебёф, он дал мне много сахара». А то начал Игого: «Помню, у озера Мезразель...», и Аравита вставляла: «Ах, там жила моя подруга Лазорилина. Дол Тысячи Запахов... Какие сады, какие цветы, ах и ах!» Конь никак не думал оттеснить своего маленького приятеля, но когда встречаются существа одного круга, это выходит само собой.

Уинни сильно робела перед таким конем и говорила немного. А хозяйка её – или подруга – ни разу не обратилась к Шастве.

Вскоре, однако, им пришлось подумать о другом. Они подходили к Ташбаану. Селенья стали больше, дороги не так пустынные. Теперь они ехали ночью, днём – где-нибудь прятались и часто спорили о том, что же им делать в столице. Каждый предлагал своё, и Аравита, быть может, обращалась чуть-чуть приветливее к Шастве; человек становится лучше, когда обсуждает важные вещи, а не просто болтает.

Игого считал, что самое главное – условиться поточнее, где они встретятся по ту сторону столицы, если их почему-либо разлучат. Он предлагал старое кладбище – там стояли усыпальницы древних царей, а за ними начиналась пустыня. «Эти усыпальницы нельзя не заметить, они как огромные улы, – говорил конь. – И никто к ним не подойдёт, здесь очень боятся привидений». Аравита испугалась немного, но Игого заверил, что это – пустые тархистанские толки. Шаства поспешил сказать, что он – не тархистанец и никаких привидений не боится. Так это было или не так, но Аравита сразу же откликнулась (хотя и немного обиделась) и, конечно, сообщила, что не боится и она. Итак, решили встретиться среди усыпальниц, когда минуют город, и успокоились, но тут Уинни тихо заметила, что надо ещё его миновать.

– Об этом, госпожа, мы потолкуем завтра, – сказал Игого. – Спать пора.

Однако назавтра, уже перед самой столицей, они столкнуться не смогли. Аравита предлагала переплыть ночью огибающую город реку и вообще в Ташбаан не заходить. Игого возразил ей, что для Уинни эта река широка, особенно – с всадником (умолчав, что она широка и для него), да и вообще на ней днём и ночью много лодок и кораблей. Как не заметить, что плывут две лошади, и не проявить излишнего любопытства?

Шаства сказал, что лучше переплыть реку в другом, более узком месте, но Игого объяснил, что там по обе стороны дворцы и сады, а в садах ночи напролёт веселятся тарханы и тархины. Именно в этих местах кто-нибудь непременно узнает Аравиту.

– Надо нам как-нибудь переодеться, – сказал Шаста.

Уинни предложила идти прямо через город, от ворот до ворот, стараясь держаться в густой толпе. Людям, сказала она, и впрямь хорошо бы переодеться, чтобы походить на крестьян или на рабов, а седла и красивую кольчугу завязать в тюки, которые они, лошади, понесут на спине. Тогда народ подумает, что дети ведут вьючных лошадей.

– Ну знаешь ли! – фыркнула Аравита. – Кого-кого, а *такого* коня за крестьянскую лошадь не примешь.

– Надеюсь, – вставил Игого, чуть-чуть прижимая уши.

– Конечно, мой план не очень хорош, – сказала Уинни, – но иначе нам не пройти. Нас с Игого давно не чистили, мы хуже выглядим – ну, хотя бы я... Если мы хорошенько выкатаемся в глине и будем еле волочить ноги и глядеть в землю, нас могут не заметить. Да, подстригите нам хвосты покороче и, если можно, неровно, клочками.

– Дорогая моя госпожа, – сказал Игого, – подумала ли ты, каково предстать в *таком* виде? Это же столица!

– Что поделаешь!.. – сказала смиренная лошадь (она была еще и разумной). – Главное – через столицу пройти.

Пришлось на всё это согласиться. Шаста украл в деревне мешок-другой и веревку (Игого назвал это «позаимствовал») и честно купил старую мальчишечью рубаху для Аравиты.

Вернулся он, торжествуя, когда уже смеркалось. Все ждали его в роще, у подножия холма, радуясь, что холм этот – последний. С его вершины они уже могли видеть Ташбаан. «Только бы город пройти...» – тихо сказал Шаста, а Уинни ответила: «Ах, правда, правда!»

Ночью они взобрались по тропке на холм и перед ними открылся огромный город, сияющий тысячью огней. Шаста, видевший это в первый раз, немного испугался, но всё же поужинал и поспал. Лошади разбудили его затемно.

Звёзды ещё сверкали, трава была влажной и очень холодной; далеко внизу, справа, над морем, едва занималась заря. Аравита отошла за дерево и вскоре вышла в мешковатой одежде, с узелком в руках. Узелок этот и кольчугу, и ятаган, и седло сложили в мешки. Лошади уже перепачкались, как только могли; чтобы подрезать им хвосты, пришлось снова вынуть ятаган. Хвосты подрезали долго и не очень умело.

– Ну что это! – сказал Игого. – Ох, как бы я лягнулся, не будь я говорящим конём! Мне казалось, вы подстрижете хвосты, а не повывёртываете...

Было почти темно, пальцы коченели от холода, но в конце концов с делом справились. Потом нагрузили поклажу, взяли верёвки (ими заменили уздечки и поводья) и двинулись вниз. Занимался день.

– Будем держаться вместе, сколько сможем, – напомнил Игого. – Если же нас разлучат, встретимся на старом кладбище. Тот, кто придёт туда первым, будет ждать остальных.

– Что бы ни случилось, – сказал лошадям Шаста, – не говорите ни слова.

Глава четвёртая Король и королева

Сперва Шаста видел внизу только море мглы, над которым вставали купола и шпили; но когда рассвело и туман рассеялся, он увидел больше. Широкая река обнимала двумя рукавами великую столицу, одно из чудес света. По краю острова стояла стена, укреплённая башенками – их было так много, что Шаста скоро перестал считать. Остров был, как круглый пирог – посередине выше, и склоны его густо покрывали дома; наверху же гордо высились дворец Тисрока и храм богини Таш. Между домами причудливо вились улочки, обсаженные лимонными и апельсиновыми деревьями, на крышах зеленели сады, повсюду пестрели и переливались арки, колоннады, шпили, минареты, балконы, плоские крыши. Когда серебряный купол засверкал на солнце, у Шасты сердце забилося от восторга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.